

**РОНЕН О.
СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК КАК УМЫСЕЛ И ВЫМЫСЕЛ***

Монография американца Омри Ронена впервые вышла по-английски в Амстердаме в 1997 г. Ее русское, исправленное издание, переведено с английского автором.

Выражение «серебряный век» приобрело огромную популярность в литературоведении и в художественной критике на рубеже 50-60-х годов, сперва в эмиграции и среди зарубежных русистов, а потом и в России. Такие словосочетания, как «серебряный век русской поэзии», «серебряный век русской литературы», «серебряный век русской культуры» и даже «серебряный век русской мысли» ныне нередко представляют собой «просто расхожий штамп, по сути лишенный всякого исторического, хронологического и даже ценностного содержания, за исключением того, что смутно обозначает художественный и духовный расцвет, по времени связанный с началом XX в., а географически почти исключительно отождествляемый с Санкт-Петербургом» (с.30).

В монографии дается исторический обзор употребления термина «серебряный век» применительно к первым трем-четырем десятилетиям XX в., причем изложение ведется в обратном хронологическом порядке – от 1960-х к 1910-м годов. В данном реферате мы, однако, будем придерживаться хронологического порядка.

П.А.Плетнев первым назвал произведения Жуковского, Батюшкова, Пушкина и Баратынского свидетельством о «золотом веке» отечественной словесности (в «Письме к графине С.И.С.», опубликованном в «Северных Цветах на 1825 год»).

В конце XIX в. название «серебряный век» становится обычным для обозначения эпохи Некрасова, Фета, Полонского, А.К.Толстого. «Серебряный век» «обычно понимают <...> как век тонкого упадка»

* Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. – М.: ОГИ, 2000 – Вып. 4. : Материалы и исследования русской культуры. – 152 с.

(с.39). О «серебряном веке» русской лирики писал Владимир Соловьев в статье «Импрессионизм мысли» (1897). Д.П.Святополк-Мирский в предисловии к «Маленькой антологии от Ломоносова до Пастернака» (Париж, 1924), говоря о «поэзии Серебряного Века», также имеет в виду поэтов второй половины XIX столетия.

Вас. Розанов в 1903 г., по случаю 20-летия со дня смерти Тургенева, писал о «серебряном веке» нашей литературы», имея в виду русских прозаиков 40-х – 70-х годов XIX в. – «Тургенева, Гончарова и целую плеяду рассказчиков русского быта, мечтателей и созерцателей тихого штиля» (цит. по: с.95).

К эпохе русского модернизма наименование «серебряный век» первым применил идеолог «скифства» Р.И. Иванов-Разумник – в статье «Взгляд и нечто», опубликованной в сборнике «Современная литература» (Ленинград, 1925). «В устах Иванова-Разумника кличка «серебряный век» носит недвусмысленно снисходительный, даже пренебрежительный характер, тем разительно отличаясь от скромной, но достойной оценки своего поколения как «серебряного» у Владимира Пяста и, в особенности, от того ослепительного вензеля, который неразрывно сплетет будто бы почетное наименование «серебряный век» с обликом всего русского модернизма у критиков второй половины XX столетия вплоть до наших дней» (с.98).

Иванов-Разумник «обрушил шквал своего радикально-народнического негодования на трех главных врагов великого и священного, свыше вдохновенного и задушевного, национального и народного социально значимого искусства» (с.99). Этими врагами были «Серрапионовы братья», формалисты и, прежде всего, акмеисты.

Начало XX столетия для Иванова-Разумника – «золотой век» символизма и реализма», представители которого – Чехов, Сологуб, Горький, Ремизов, Белый. «У всякого из этих писателей был не только свой стиль, но и у каждого свой бог» (цит. по: с.102–103). «Последний крупный поэт <...> золотой эпохи – Есенин» (цит. по: с.107). «Последний крупный этап громадного подъема творческой волны в первой четверти нашего века» начинается «спад волны, начало серебряного века» (цит. по: с.101). «Серебряный век – в начале, герои его только начинают выступать на сцену» (с.102). Его симптомы – «самодовлеющая техника, понижение духовного взлета при кажущемся повышении технического уровня, блеска формы». В «Серебряном веке» «ремесло в расцвете, горение духа – в загоне» (с.103). «Трагедия творчества серебряных молодых» в том, что «форма им без труда дается, <...> горение

духа превращается в иллюминацию и фейерверк. <...> Чем жить, если за душой ничего нет?» (с.103).

Начало «серебряного века» Иванов-Разумник отождествлял с появлением акмеизма: «Первым эпигоном – по прямой линии от Брюсова – явился Гумилёв, ставший в свою очередь «опытным учителем» второго порядка, в роде О.Мандельштама и др.» За акмеизмом идут «имажинизм, экспрессионизм, дадаизм». «Пресыщенное александрийство дает жеманную поэзию Кузмина». Тихонов и Пастернак – «мастера техники», и только. «Они пришли слишком поздно»; такова «участь всех поэтов серебряного века» (цит. по: с.106–108). Таким образом, символистская эпоха для Иванова-Разумника – подлинный «золотой век», а «серебряный век» (литературная действительность начала 20-х годов) – «только вырождение старой», точнее, «не вырождение, <...> а лишь снижение, с одновременным широким развитием по старым образцам» (цит. по: с.109). «И в прозе, и в поэзии подошли мы ко времени эпигонов» (цит. по: с.108).

Владимир Пяст в книге воспоминаний «Встречи» (Москва, 1929) отчетливо различает «Золотой» и «Серебряный век» в классической русской литературе XIX столетия. Поэты «золотого века» – поколение, родившееся, как и Пушкин, около 1800 г. – прежде всего Баратынский, Языков, Тютчев. К «серебряному веку» принадлежат поэты, родившиеся около 1820 г.: А.К.Толстой, Я.Полонский, Ап.Майков, А.Фет, А.Григорьев, Н.Некрасов и другие. Сюда же Пяст относит прозаиков: Тургенева, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, а в конце этой историко-биографической хронологии замечает: «Мы далеки от претензий сравнивать наших сверстников, «восьмидесятников» по рождению, с представителями какого-нибудь «Серебряного века» русского, скажем, «модернизма». Однако в середине 80-х годов явилось на свет тоже довольно значительное число людей, призванных «служить музам» (цит. по: с.92).

Таким образом, о «серебряном веке» в современной ему поэзии Пяст говорит «в порядке рабочей гипотезы, скромно и осмотрительно, и умеряет аналогию с девятнадцатым столетием сознанием разницы в масштабах» (с.92).

В эмигрантской печати 20-х годов выражение «серебряный век» не употреблялось. Позже, в 60-е годов, С.К.Маковский приписывал определение «серебряный век» Н.А.Бердяеву; однако Бердяев начало XX в. называл «русским ренессансом» – культурным, духовным, мистическим, художественным, причем расцвет русской поэзии начала XX в. связывал исключительно с символизмом. Русская литература пушкин-

ского времени, считал он, «не была ренессансной по своему духу. Лишь в Пушкине были проблески ренессанса», хотя это был «золотой век русской поэзии» (цит. по: с.41).

Оценка Бердяева чрезвычайно важна, ведь «Ренессанс <...> и серебряный век, – не только разные понятия, но даже и противоположные друг другу с точки зрения ценностного суждения о творческой мощи данной культуры» (с.38).

В 1933 г. в эмигрантском журнале «Числа» появилась статья Николая Оцуа «Серебряный век». Эта статья была «сбивчивым и искаженным пересказом мыслей, позаимствованных у Вл. Пяста» (с.81); тем не менее, она-то и ввела выражение «серебряный век» в критический словарь литературной эмиграции.

«Золотой век русской поэзии прошлого столетия», согласно Пясту, – это «жизнь и стихи Пушкина». «Благодаря Баратынскому, серебряный век существует одновременно с золотым. <...> Историческое десятилетие и столетие, разумеется, не имеют никакого отношения к летоисчислению поэзии. Ее золотой век для двадцатого столетия – Тютчев и Блок. Не существенно, что между ними – десятилетия. <...> Тютчев – весь в двадцатом столетии. <...> Блок <...> был <...> страшным и ангельским лицом нашего золотого века» (цит. по: с.83).

Отсюда видно, что «серебряный век» Оцуа определял скорее как тип творчества, чем как культурно-исторический период. «Ставя себе косвенной целью нравственную и художественную апологию творческой немочи и духовной вялости, свойственной поэтам так называемой «парижской ноты», т.е. школы Адамовича, он выделял и превозносил в «золотом веке» «серебряных поэтов» (в первую очередь, Баратынского и, отчасти, Лермонтова) и в своеобразном синхронистическом смысле провозглашал также существование поэтического золотого века в XX столетии» (с.81).

Оцуа «ради оправдания посредственной поэзии пустил в оборот заимствованную идею, совершенно ее извратив» (с.84). «Вопиющие противоречия и путаница в рассуждениях Оцуа вызваны были <...> тем, что он смешал понятие «поколения» с понятием «века» или «поры» и, провозгласив равноценность «золотого» и «серебряного» типа поэтических дарований, в то же время признавал присутствие «серебряных поэтов» в золотом веке, а «золотых» – в серебряном, т.е. сортировал их не по эпохам, а по таланту» (с.87).

Перед новым литературным поколением эмиграции Оцуа «выступал <...> как полномочный представитель петроградских поэтов 1921 г., замученного Блока, расстрелянного Гумилёва, запрещенной

Ахматовой и затравленного Мандельштама, в то же время игнорируя или издевательски критикуя все лучшее, но еще не защищенное мировой славой, что существовало в изгнании: Ходасевича, Цветаеву, Сирина. <...> Его представление о серебряном веке должно было послужить выигрышным литературно-историческим фоном и духовным оправданием того художественного дарования и тех идейных притязаний, какими он обладал» (с.73)

В посмертно опубликованной статье «Серебряный век русской поэзии» (сб. «Современники», 1961) Оцуп настаивал на своем приоритете по отношению к термину «серебряный век»: «Пишущий эти строки предложил это название для характеристики модернистической русской поэзии» (цит. по: с.74). Утверждение это не соответствует истине, однако именно благодаря Оцупу «это обманчивое понятие и нечеткое выражение безоговорочно укоренилось в читательском сознании и, принятое на веру без какой-либо критики, со временем вошло в исследовательский лексикон, став причиной ряда широко распространенных заблуждений» (с.84).

Вслед за Оцупом другой эмигрантский критик, Вл. Вейдле, в статье «Три России» (1937) писал о «серебряном веке русской культуры», который «длится недолго, всего лет двадцать». «Сияние его – как и подобает серебряным векам – было в известной мере отражением: его мысль и его вкус обращались к прошлому и дальнему; <...> и на всем его искусстве лежал налет стилизации любования чужими; <...> он не столько творил, сколько воскрешал и открывал. Но он воскресил Петербург, воскресил древнерусскую икону, вернул чувственность слову и мелодию стиху»; «Это могло быть преддверием рассвета и стало предвестием конца» (цит. по: с.48).

Впрочем, позднее, под влиянием, очевидно, той славы, которая в шестидесятые годы окружила воскрешенный «серебряный век», Вейдле в статье «Пора России снова стать Россией» (1968) пересмотрел свою первоначальную оценку эпохи и даже усомнился в справедливости наименования «серебряный»: «Не серебряные они, слишком это для них скромно: эти два десятилетия искупили и затмили те два тусклые десятилетия, что предшествовали им» (цит. по: с.49).

Выражение «серебряный век» встречается в «Поэме без героя» А.Ахматовой (часть 1, гл. 3): «И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл». Этот отрывок был напечатан в 1945 г. в «Ленинградском альманахе» под заглавием «Тысяча девятьсот тринадцатый». «Эпитет эпохи кажется у Ахматовой отстраненным не столько оттого, что век, быть может, перехвалили, а потому, что его, при всех его гре-

хах, недооценили. То время вытерпело достаточно поношений со стороны социально или национально мыслящих критиков и до и после 1917 г. Передовая и ретроградная, свободомыслящая и религиозно-возрожденческая общественность единодушно заклеили его именем декаданса» (с.70).

Однажды использовала выражение «серебряный век» Цветаева (в неопубликованном при ее жизни фрагменте эссе «Черт») – «и, кажется, приняла его с той же несколько иронической резиньацией, что и Ахматова» (с.51). Обе поэтессы употребляют это выражение как расхожую цитату, как ярко выраженное «чужое слово».

О. Мандельштам никогда не употреблял термина «серебряный век». К эпохе русского модернизма он применял общеизвестный немецкий историко-литературный термин «Sturm und Drang» – «Буря и натиск».

Широкое распространение выражение «серебряный век» получает в 60-е годы, после выхода в свет книги С.К.Маковского «На Парнасе «Серебряного века» (Мюнхен, 1962). Заглавие книги, по замыслу автора, «указывает на поэтов, писателей, художников, музыкантов, выразивших своим творчеством русский культурный подъем в предреволюционную эпоху» (цит. по: с.35).

Итак, Пяст и Иванов-Разумник различали в русском модернизме два века, золотой и серебряный, а Вейдле и Маковский и, в меньшей степени, Оцуп расширили объем термина «серебряный век», распространив его на всю предреволюционную эпоху модернизма в России. «Побочные оттенки значения и даже основной смысл термина у эпигонов Иванов-Разумника и Пяста подверглись коренным изменениям» (с.111).

«Показательно, что и позднейшие критики, и изощренный читатель нашего времени, привычно пользующийся выражением «серебряный век», вовсе не чувствуют в нем отрицательных или снисходительных оттенков смысла. Совершенно наоборот, это имя передает сейчас, в целом, представление о глубокой, даже схимнической духовности и о высшей степени художественных постижений и созидательного порыва, с умеренной и поэтически привлекательной примесью таких трагических погрешностей, как творческая гордыня, нравственная отчужденность в башне из слоновой кости или, напротив, хилиастическое нетерпение и пророческая темнота выражения» (с.112).

Когда бы этот век, прозванный «серебряным», ни пришел к концу – в 17 г., или в 21–22-м – с гибелью Гумилёва и смертью Блока и Хлебникова, или в 30-м – с самоубийством Маяковского, или в 34-м –

со смертью Андрея Белого, или в 37–39-м – с гибелью Клюева и Мандельштама и кончиной Ходасевича, или в 40-м, после падения Парижа, когда Ахматова начала «Поэму без героя», наименование «серебряный век» было «всего лишь отчужденной кличкой, данной критиками, в лучшем случае как извинение, а в худшем – как поношение. Сами поэты, еще живые представители этого века, Пяст, Ахматова, Цветаева, пользовались им изредка со смутной и иронической покорностью, не снисходя до открытого спора с критиками» (с.113–114).

Не все историки русской литературы и культуры приняли наименование «серебряный век». По мнению Н.И.Харджиева (в одном из его последних интервью), поэзия XX в. была «самым настоящим золотым веком русской поэзии, начиная с символистов, акмеистов и футуристов и обэриутов, которые состоялись невероятно каким образом, – неслыханный, небывалый расцвет русской поэзии, которого не было даже во времена Пушкина» (цит. по: с.132).

Г.П.Струве перенял у Бердяева наименование «культурный ренессанс» и воспользовался им в качестве названия для своей статьи 1969 г. «Хотя к поэзии этого периода можно с полным правом применять имя «Второго Золотого Века, – писал Струве, – для общего описания его я бы предпочел такой термин, как Ренессанс. Это на самом деле был русский культурный Ренессанс, распространявшийся на все области культурной и духовной жизни – изящные искусства, литературу, философию, религиозную, общественную мысль» (с.45).

Р.Якобсон в гарвардском курсе по русской поэзии XX в. (лекция 17 февраля 1967 г.) начисто отверг термин «серебряный век» – как несостоятельный, а понятие «серебряного века» как «неверное и вульгарно искажающее характер этого века, который был великим веком художественного эксперимента» (цит. по: с.122).

Олег Масленников из Калифорнийского университета в Беркли в своих устных выступлениях предложил метафору «Платиновый Век русской поэзии»; в печати этот термин появился лишь после смерти Масленникова, в 1972 г. «Это, – считает О.Ронен, – и в самом деле наименование, преодолевающее крайности разных точек зрения на век модернизма. Платина ценится не ниже золота, у нее благородный серебристый оттенок, а главное: она – новый металл, открытый в результате научно-технического прогресса в XVIII веке» (с.123).

Выражение «серебряный век» предполагает определенную ущербность, подражательность, вялость, блеклую стилизацию и «повальную болтливость»: именно последнюю Адамович считал главным отличием «серебряного века» от «золотого» и находил даже у Блока по

сравнению с Лермонтовым. «Поэтому менее искушенный читатель так часто отождествляет «серебряный век» с эстетикой и бытом популяризаторов и модничающих эпигонов второго, а то и третьего сорта – отнюдь не с Анненским, Блоком и Цветаевой, и не столько даже с Волошиным, сколько с Черубиной или Агнивцевым» (с.124).

По мнению Ронена, «все права на это наименование в качестве ценностного суждения должны сохраняться за словесностью второй половины XIX столетия, особенно с современной критической точки зрения, которая склонна подвергнуть пересмотру прежнее, пришедшее с Запада, безоговорочное обожание «золотого века русского психологического романа» (действительно, на нынешний вкус несколько многословного) в пользу века Пушкина и Лермонтова не только в поэзии, но и в прозе» (с.124).

Автор выражает надежду, что «знание истории ошибочного термина убедит читателей и филологов изгнать из чертогов российской словесности бледный, обманчивый и назойливый призрак обозначаемого им, но не существовавшего в XX столетии историко-литературного явления» (с.124).

К.В. Душенко